УДК 343.13

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ И РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

THE ESTABLISHMENT OF THE OBJECTIVE TRUTH AS A REMEDY OF ACHIEVING THE PURPOSE AND SOLVING TASKS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Ю. К. ЯКИМОВИЧ (Y. K. YAKIMOVYCH)

Исследуется вопрос об истине в уголовном судопроизводстве. Доказывается, что достижение объективной истины нельзя рассматривать в качестве цели уголовного судопроизводства, обосновывается, что единственной его целью является правильное применение норм уголовного материального права; в свою очередь, установление объективной истины является целью доказывания и средством решения задач уголовного судопроизводства, достижения его цели.

Ключевые слова: истина, доказывание, цели, задачи, уголовное судопроизводство.

The article is devoted to investigation of the question about truth in criminal proceedings. The author argues that the achievement of the objective truth cannot be considered as the purpose of criminal proceedings, and substantiates that the only purpose of it is the correct application of the norms of the criminal substantive law. In turn, the establishment of the objective truth is the purpose of the proof and the remedy of solving of tasks of criminal proceedings, achieving of it's purpose.

Key words: truth, proving, goals, objectives, criminal proceedings.

Наконец-то после десятилетий затишья юридическая наука (в том числе и уголовно-процессуальная) начала активно развиваться. Не счесть числа новых профессоров и доцентов, изобретающих всё новые и новые велосипеды, не удосужившись при этом хотя бы немного почитать (не изучить) труды своих предшественников, хотя бы великих учёных XIX–XX вв. Современные научные дискуссии по своей тональности всё более напоминают дискуссии 20-х гг. прошлого века, когда нередко аргументом правильности своей позиции служил тезис «ты не прав потому, что я прав, а ты дурак» (простите за грубость).

Вот и теперь авторы некоторых статей доходят чуть ли не до прямых оскорблений своих оппонентов, а уж обвинения в невежестве встречаются сплошь и рядом. При этом, что ещё интереснее, ярые антикоммунисты, начисто отвергающие что-либо позитивное в науке уголовного процесса советских учёных за якобы приверженность их большевизму и тоталитаризму, сами не отличаются ничем от тех же учёных-большевиков в стремлении

подавить любое инакомыслие, любые взгляды, противоречащие их собственным. «Только американское судопроизводство лучшее в мире. Только состязательность и никакой публичности, никакой объективной истины и далее, и далее». Но, как не раз, справедливо и очень деликатно замечал уважаемый мною профессор Л. В. Головкин, почему бы этим учёным не изучить опыт Германии, Франции, других стран континентальной Европы, не провести сравнительный анализ? [1]

Я могу ещё понять постперестроечных кандидатов наук, которые, думаю, вовсе не знакомы с трудами выдающихся советских учёных, внесших неоспоримый вклад в российскую процессуальную науку. Но ведь профессора, получившие классическое юридическое образование ещё в советских вузах, не могут не знать трудов этих учёных. Кто как ни М. С. Строгович вопреки господствующей в то время идеологии, постепенно, шаг за шагом продвигал идеи состязательности, презумпции невиновности. И если бы некоторые учёные вновь или впервые внима-

тельно и не предвзято изучили его труды, то им бы стало ясно, что никаких противоречий между материальной истиной и презумпцией невиновности, толкованием неустранимых сомнений в пользу обвиняемого нет. Только на основе истинных суждений (ошибки бывают и здесь, и что из этого?) может быть постановлен обвинительный приговор. Но это правило не всегда относится к оправдательному приговору, он может быть и должен быть постановлен и при наличии сомнений в достоверности установленных обстоятельств. Однако, эти, казалось бы, бесспорные суждения не воспринимаются нашими учёными-американцами.

Так, М. А. Лазарева, например, пишет: «Поэтому обсуждаемый вопрос состоит вовсе не в том, достижима ли истина в уголовном процессе (*в наш просвещённый век вряд ли можно это серьёзно обсуждать* (курсив мой. — Ю.Я.)), а в том, какой цели служит реализация этой уже отвергнутой идеи» [2]. Позвольте: кем отвергнутой? М. А. Лазаревой и ещё десятком современных процессуалистов. А большинство как российских [3], так и европейских учёных вовсе не отвергают истину, может быть, называя её иногда иначе, например, «материальная истина». Такой подход известного учёного иначе как необоснованным я назвать не могу.

Ещё одно, на мой взгляд, очень важное, замечание: почему-то юристы, в том числе и учёные, стали вдруг считать себя специалистами даже не в смежных, а в достаточно далеких от юриспруденции сферах познания. Началось всё с криминалистов. Юристы, не имея базового образования, вдруг начали писать труды по баллистике, почерковедению, холодному и огнестрельному оружию. Сегодня стало модным для юристов-криминалистов писать работы и даже преподавать судебную психологию, не имея диплома психолога. К сожалению, увлечение смежными науками, особенно философией, коснулось и учёных-процессуалистов. Многие достаточно устоявшиеся простые и чисто процессуальные понятия они пытаются объяснить, оперируя сложнейшими философскими категориями.

Так, весьма уважаемый мною профессор Л. А. Воскобитова пишет: «Вопрос об истине изначально “принадлежит” науке философии

и разрабатываемой ею теории познания». И это так. Но далее она утверждает: «В уголовном процессе об истине вспоминают, как правило, после периода произвола и беззакония» [4]. Позволю не согласиться с уважаемым профессором. Споры о характере истины начались вовсе не после большевистских репрессий, дискуссия по этому вопросу оживленно велась выдающимися отечественными учёными XIX в., а также европейскими учёными задолго ещё до фашистских репрессий в этих странах. И потом, понятие материальной (объективной) истины придумали вовсе не советские учёные. Споры по этому вопросу ведутся уже тысячелетия, а в отечественной процессуальной литературе эти проблемы достаточно глубоко исследовались в трудах известных российских учёных XIX в. И тогда не было единого мнения. Но полемика велась действительно на достойном учёных уровне, а не по принципу «ты сам дурак».

Так, В. Д. Спасович писал: «Из несовершенства нашего наблюдательного снаряда, из недостаточности наших органов познавательных следует, что эта достоверность, которой человек добивается изо всех сил, не может быть безусловная, а только относительная. Наша достоверность только гадательная» [5]. Профессор В. К. Случевский также отмечал, что «о полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден, по несовершенству средств человеческого правосудия, удовлетворяться по необходимости более или менее высокой степенью вероятности» [6]. Такого же мнения придерживались и другие учёные того времени [7]. Но были и противоположные мнения. Так, С. И. Викторский утверждал: «То, что признаётся судьёй, должно быть согласно с действительностью, должно быть истиною» [8].

Считаю уместным привести несколько цитат и из современных работ. Так, профессор О. Л. Баев пишет: «Могут ли иметься какие-либо возражения против необходимости установления действительности обстоятельств уголовного дела? Их нет и быть не может, у каждого разумного человека, тем более профессора в области уголовной юстиции» [9]. А ранее выдающийся советский учёный П. А. Лупинская также утверждала,

что «установить истину в уголовном процессе означает познать прошедшее событие и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, в соответствии с тем, как они имели место в действительности» [10]. Профессор В. Балакшин также считает, что «целью уголовно-процессуальной деятельности и доказывания, в частности, не может быть что-либо иное, кроме как установление объективной действительности, реальности, имевшей место в прошлом. Не абсолютной истины, ибо достичь её невозможно, не относительной, ибо это повлечёт нарушение прав участников процесса, другие нежелательные последствия, а истины объективной» [11].

И если уж на то пошло, ярым сторонником формальной, юридической истины был как раз советский академик А. Я. Вышинский. Ведь это он ещё в 1930 г., отождествляя понятия абсолютной и объективной истины, утверждал, что «требование установления судом абсолютной истины неправильно, потому что условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос не с точки зрения установления абсолютной истины, а с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных фактов, подлежащих судебной оценке» [12]. Такого же мнения он придерживался и в начале 50-х гг. прошлого века в своей «Теории судебных доказательств в советском праве» [13].

После прочтения трудов Л. А. Воскобитовой и других учёных приходишь к выводу о том, что виновником всему явилось марксистско-ленинское учение. По их мнению, именно на основе этого учения и было разработано современными процессуалистами учение об объективной истине. Однако К. Маркса вряд ли можно отнести к философам, скорее он экономист, а В. И. Ленин скорее и ни тот, и ни другой, а революционер-практик. Учение его основывается (и он сам этого не отрицал) на трудах немецких философов, в частности материалиста Фейербаха, диалектика Гегеля и экономиста Маркса. В этом свете уместно привести высказывание В. М. Бозрова: «Мозаика точек зрения современных учёных... по этому поводу (о характере истины. – Ю. Я.) представляет собой не более чем *блеклый* (курсив мой. – Ю. Я.) вторичный продукт философских дуэлей

грандов прошлого (Аристотеля, Платона, Августина, Ф. Бэкона, Б. Спинозы, К. Гельвеция, Д. Дидро, П. Гольбаха, Л. Фейербаха, Дюма, Б. Рассела, А. Пуанкаре, Р. Карнапа, К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Ньютона, Г. Гегеля, И. Фихте, И. Канта, А. Эйнштейна и др.) с проекцией на современный уголовный процесс России» [14]. Значит споры об истине вовсе не ограничиваются периодом марксистско-ленинской теории познания, они извечны, как извечна наука философия.

Что же касается репрессий, то они были не в то время, когда советскими учёными (М. С. Строгович, П. А. Лупинская) обосновывалась необходимость достижения объективной, материальной истины, а напротив, во времена, когда академиком А. Я. Вышинским (а его мнение было единственно правильным в науке) была поддержана идея (правда, он выдавал её за свою) формальной (юридической) истины. Именно на основе учения о формальной (юридической) истине в науке уголовного процесса и практической деятельности стал неоспоримым тезис о признании вины как «царицы доказательств».

Именно сторонники юридической (формальной) истины в 30-е гг. прошлого века обосновали возможность применения уголовной репрессии к невиновным в случае признания ими своей вины. Возможно ли осуждение невиновных при реализации института сделки о признании вины в столь любимых сторонниками теории формальной истины Соединенных Штатах? Или в США вовсе не бывает случаев «выбивания показаний» или самооговоров?

Конечно же, возможны случаи осуждения невиновных и в Германии, Франции, но вероятность этого гораздо меньше, чем в США, ибо в этих странах признание вины должно подтверждаться совокупностью других доказательств, а целью доказывания является установление именно объективной истины. Именно по этим причинам многие современные российские учёные весьма критически относятся к упрощённому судебному производству, предусмотренному гл. 40 УПК РФ [15].

Бедой современной науки уголовного процесса, в том числе, является то, что учёные-процессуалисты всё более вторгаются в сферу философии, в которой познания у них

не столь велики, чтобы делать серьёзные философские умозаключения применительно к уголовному процессу [16]. Отсюда и получается, что сложнейшие философские категории (а ведь и сами философы трактуют их неоднозначно) применяются к понятиям уголовно-процессуальным, которые чаще всего, как и сама наука уголовного процесса, носят прикладной характер и достаточно условны.

Вот, например, «презумпция невиновности». Бесспорно, что с момента вступления в силу оправдательного приговора суда никто не вправе сомневаться в виновности оправданного или тем более называть его преступником. Между тем юристы понимают условность этого положения, ибо оправдательный приговор при определённых условиях может быть отменен в кассационном порядке.

Или ещё один пример: понятия «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» в Европе, равно как и в России, используются как синонимы. Однако очевидна условность такого отождествления, но так принято, так «договорились». Или «признаки преступления». Чисто уголовно-процессуальное понятие. И таких «условностей» в науке уголовного процесса очень много. Поэтому далеко не всем чисто уголовно-процессуальным понятиям можно придавать даже уголовно-правовой, а тем более философский смысл. Поэтому и понятие «объективная истина» в уголовном процессе носит условный характер. Но обозначьте это понятие как угодно иначе. От этого ведь не изменится сущность доказывания, направленного в пределах доказывания на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Но в рамках предмета доказывания мы должны установить то, что было на самом деле. Иные представления приведут нас к признанию допустимости осуждения невиновных.

Авторы, отрицающие концепцию объективной истины, нередко противоречат сами себе. Так, В. А. Лазарева совершенно обоснованно утверждает, что не требует доказывания невиновность лица. Это действительно так, ибо «недоказанная виновность равнозначна невиновности» (общеизвестная истина). Далее она также верно утверждает, что «...доказывание в рамках строго определённых процедур необходимо для выявления и обоснования тех фактов, которые в своей

совокупности позволяют констатировать виновное совершение лицом общественно-опасного деяния, предусмотренного Уголовным кодексом» [17].

Так значит везде должны быть выявлены факты виновности? И они должны соответствовать той действительности, которой уже нет, но которая была? А что это, если не истина? Уважаемый профессор пишет также: «Презумпция невиновности и объективная истина несовместимы. Уголовный процесс, основанный на презумпции невиновности, принципиально отличается от уголовного процесса, основанного на стремлении к объективной истине, это различные типы процесса» [18]. А что, разве в уголовном процессе немецком или французском (который отнюдь не относится к англо-американскому типу) процессе отрицается презумпция невиновности?

К сожалению, как это справедливо отмечает Л. В. Головкин, речь идёт о пресловутых двойных стандартах, когда постсоветский процесс допустимо сравнивать с американским и недопустимо – с германским и французским, ибо обычаи, условия, жизненный уклад, наш менталитет несовместимы с европейскими и полностью совпадают с американскими.

Не голословны ли эти утверждения? В этой связи Л. В. Головкин не без некоторого сарказма пишет: «...мы либо не допускаем никакого сравнения, запрещая себе ссылаться на опыт США или Франции как несовместимый с отечественной спецификой, либо допускаем такое сравнение, понимая различия между институциональной логикой и логикой социологической, но тогда надо методологически забыть, что “Федот – не тот” не только применительно к Франции, но и применительно к США» [19]. Автор этих строк допускает полемику между обоими вариантами, лично склоняясь ко второму из них. Единственное, чего он не допускает, так это громких криков о недопустимости концептуальных сравнений с Францией, Германией или Швейцарией со стороны специалистов, полностью выстроивших свои «умозрительные теории» отнюдь не путём собирания народных обычаев в русской глубинке, а путём элементарного перевода англо-американских (чаще всего) источников.

Вопрос о характере истины тесно связан с вопросом о целях и задачах уголовного процесса. Следственный комитет РФ пытается даже инициировать рассмотрение Парламентом очередных поправок УПК РФ [20]. Предлагается закрепить в законе в качестве цели уголовного процесса установление объективной истины.

Мне кажется, авторы этого законопроекта смешивают два различных понятия: цель и средство. Установление истины – объективной (материальной) или юридической (формальной) – это не цель уголовного процесса, а всего лишь средство достижения данной цели. Установление истины – цель доказывания. И в той мере, в какой эта цель будет достигнута в результате доказательственной деятельности, равно в такой же мере будет достигнута и цель уголовного процесса в целом.

Так что же является целью уголовного судопроизводства? В УПК РФ не сформулированы не только цель, но и даже задачи уголовного процесса. Их можно лишь теоретически обосновать, исходя из содержания ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства». Впрочем, в этой статье сформулированы не все задачи уголовного процесса. В частности, отсутствует задача защиты публичных интересов, т. е. интересов государства и общества. На это обстоятельство уже много раз обращали внимание в научной литературе.

В каких же случаях можно считать, что задачи, сформулированные в ст. 6 УПК РФ, будут решены? Наверное, лишь тогда, когда нормы материального уголовного права будут применены правильно. Как и сам уголовный процесс носит прикладной характер по отношению к материальному уголовному праву, «обслуживает» применение его норм, так и задачи уголовного процесса производны от назначения (задач, целей) уголовного права и не могут рассматриваться абстрактно, в отрыве от назначения и задач уголовного права. Уголовный процесс вторичен по отношению к уголовному праву. Сущность его определяется сущностью уголовного права. И никак не наоборот. И мне всегда казалось, что это положение настолько общеизвестно, что не требует дополнительной аргументации. Однако в последнее десятилетие (и особенно в рамках исследования проблем

состязательности) предпринимаются попытки «оторвать» уголовное судопроизводство от уголовного права, придавать ему некую самостоятельную сущность.

Сказанное выше в полной мере относится и к задачам, и к цели уголовного судопроизводства. Их определение ни в коей мере не может быть оторвано от сущности уголовного права.

Для чего нужен уголовный процесс? И как право, и как законодательство, и как деятельность, всего лишь для того, чтобы правильно применять нормы уголовного материального права. И это единственная цель уголовного судопроизводства. Именно по этому критерию судят об эффективности уголовно-процессуальной деятельности и оптимальности её законодательного регламентирования. И только в этом случае, когда достигается указанная выше цель и нормы уголовного права применяются правильно и эффективно, только тогда можно считать решенными и задачи, сформулированные в ст. 6 УПК РФ.

Цель же уголовного судопроизводства может быть достигнута только в результате уголовно-процессуальной деятельности, основой которой является доказывание. Целью же доказывания является установление истины. И таким образом установление истины не может служить целью уголовного судопроизводства. Оно является лишь *средством* достижения цели правильного применения норм уголовного права, т. е. средством достижения цели уголовного процесса.

«Правильно применить уголовный закон означает применение его именно к действительно виновному лицу и в мере, соответствующей степени его вины, – в этом заложена необходимость стремиться устанавливать обстоятельства совершения преступления, отражая их в материалах уголовного дела, в полном и точном соответствии с объективной действительностью, т. е. устанавливать объективную истину по уголовному делу» [21].

При этом при определении характера истины, которая должна быть достигнута по результатам доказывания, некоторыми современными учёными допускается некая подмена понятий. Такую подмену, как уже отмечалось ранее, допускал в своё время академик Вышинский [22], а вслед за ним другие советские учёные [23]. Они отождествля-

ли совершенно разные понятия: абсолютную и объективную (материальную) истину. Конечно же, абсолютной истины человеку в отдельности и человечеству в целом не достичь никогда. Большой вопрос, знал ли её сам Господь Бог [24].

В уголовном судопроизводстве, этом маленьком «клочке познания» никогда и не требовалось устанавливать так называемую абсолютную истину [25]. Наша уголовно-процессуальная истина строго ограничена рамками предмета и пределов доказывания.

Далее подменяются понятия «цель» и «результат». Конечно же, ныне никто не утверждает, что во всяком приговоре суда установлена объективная истина. Истинность приговора, вступившего в законную силу лишь презюмируется. Причём презумпция эта относится к числу опровержимых. Приговор, вступивший в законную силу, может быть признан неистинным и отменен.

В любой деятельности, в том числе уголовно-процессуальной, не всегда удаётся решить изначально поставленные задачи, достичь того результата, который предполагался. Но это вовсе не означает, что нельзя изначально ставить целью то, что в принципе достижимо, но не всегда достигается. Возможно ли достичь объективной (не абсолютную, конечно же) истины в ходе уголовно-процессуальной деятельности? Конечно же, да. Иначе мы переходим на позиции давно уже отвергнутой теории формальных доказательств, из которой следует в частности, что лучшим и неоспоримым доказательством является признание лицом своей вины [26]. Ведь перед следователем не может ставиться задача достижения некой формальной истины: сделай то, добудь это и будет достаточно. Перед следователем ставится задача установить в рамках предмета и пределов доказывания (но не более того), что и как было на самом деле. А это и есть объективная истина [27].

И не надо, как уже отмечалось ранее, аргументом против объективности считать то, что якобы объективная истина – плод марксистско-ленинского учения. Позвольте, о характере истины (материальной или формальной) вели споры учёные XIX в., когда, во всяком случае, ленинского учения ещё и не было. Некоторые современные учёные заняли интересную позицию: всё, что вытекает

из марксистско-ленинских позиций, априори неверно и даже не следует приводить дополнительных аргументов. Очень напоминает позицию некоторых советских учёных: буржуазное учение, а потому неверное. Забывается как-то, что ленинизм – это не совсем марксизм. А само марксистское учение основывается на диалектике Гегеля и на трудах выдающихся учёных-материалистов. Так что об объективном характере истины и возможности её достижения писали учёные много веков и тысячелетий назад, а вовсе не В. И. Ленин придумал эту теорию.

Обобщая изложенное, следует сделать выводы:

1. Достижение объективной истины не может ставиться в качестве цели уголовного судопроизводства.

2. Единственной целью уголовного процесса (в любом его понимании) является правильное применение норм уголовного материального права. Если же нормы уголовного права применяются правильно, то тогда решены и задачи уголовного права, и задачи уголовного процесса.

3. Целью доказывания в уголовном судопроизводстве (а доказывание – это основа уголовно-процессуальной деятельности) является установление объективной истины (того, что было на самом деле, но только лишь в рамках предмета и пределов доказывания). В свою очередь, вследствие достижения этой цели (установления объективной истины) достигается и цель всего уголовного судопроизводства – правильного применения норм уголовного материального права.

4. Вместе с тем, в силу многих причин, истина достигается не во всех случаях, поэтому истинность обвинительного приговора, вступившего в законную силу, лишь презюмируется. Причём презумпция эта является опровержимой.

И в заключение с горечью хотелось бы констатировать следующее. Уже не в первый раз руководство того или иного правоохранительного органа пытается добиться принятия удобного этому ведомству законопроекта. Учёные же вместо того, чтобы разобраться в сути грядущих изменений уголовно-процессуального законодательства, позволяют втянуть себя в бесплодные и бесконечные теоретические споры. На этот раз в споры об истине.

Руководству Следственного комитета абсолютно безразлично, как учёные назовут достигаемую в ходе уголовного судопроизводства истину. Цель Следственного Комитета ясна и проста – превратить суд в расследователя и списать на него все недочёты предварительного следствия, не просто вернуть ему функцию уголовного преследования, не только заставить восполнять пробелы, прямо скажем, далеко не блестящего следствия, а непосредственно отвечать за его качество под угрозой отмены приговоров.

К сожалению, лишь некоторые учёные обратили на это внимание [28].

1. Головкин Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 73–75.
2. Лазарева В. А. Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 171–173.
3. Азаров В. А. О цели доказывания в современном уголовном судопроизводстве России // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д-ра юрид. наук, проф. З. З. Зинатуллина. – Ижевск, 2013. – С. 20–28 ; *Его же*. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины // Вестник Томского государственного университета: Экономика. Юридические науки. – 2003. – № 4. – С. 14–15 ; Головкин Л. В. Истина в уголовном процессе. Комментарии экспертов // Закон. – 2012. – № 6. – С. 23 ; Еникеев З. Д., Еникеев Р. З. Участие адвоката – защитника в доказывании по делам о преступлениях несовершеннолетних: социально-этические проблемы : монография. – Уфа, 2004. – С. 68, 105–108 ; Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы : монография. – Ижевск, 2002. – С. 66–67 ; Кудрявцева А. В. Теория доказывания в юридическом процессе : учебное пособие. – Челябинск, 2006. – С. 44 ; Свиридов М. К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 353. – С. 142–143 ; *Его же*. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы российской государственности : сб. статей. – Ч. 51. – Томск, 2011. – С. 3–8 ; Халиулин А. Г. Истина в уголовном процессе. Комментарии экспертов // Закон. – 2012. – № 6. – С. 25 ; Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М., 2008. – С. 43.
4. Воскобитова Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 56.
5. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судопроизводством и судопроизводством. – СПб., 1861. – С. 15–16.
6. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1913. – С. 397.
7. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. – Томск, 1905. – С. 16 ; Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. – СПб., 1914. – С. 303 ; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – Т. 2. – С. 171–179.
8. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – М., 1912. – С. 212.
9. Баев О. Л. Законопроект «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве» и возможные последствия его принятия // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 20.
10. Лупинская П. А. Уголовный процесс : учебник. – М., 1995. – С. 129.
11. Балакишин В. Истина в уголовном процессе // Российская юстиция. – 1998. – № 2. – С. 18–19.
12. Вышинский А. Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе // Проблемы уголовной политики. – Кн. IV. – М., 1937. – С. 13–38.
13. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М., 1950. – С. 180–186.
14. Бозров В. М. Истина в уголовном процессе: pro et contra // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 33–34.
15. Свиридов М. К. Установление судом истины в судебном разбирательстве. – С. 142–143 ; *Его же*. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве. – С. 3–8.
16. Я не хочу никого обидеть: наверное, есть отдельные самородки, способные постичь самостоятельно тот объём знаний, который студенты-философы изучают пять лет, а потом три года исследуют в ходе подготовки диссертации и т. д.
17. Лазарева В. А. Указ. соч. – С. 171–173.
18. Там же.
19. Головкин Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе. – С. 73–75.
20. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу : проект Федерального закона. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=97030> (дата обращения: 10.04.2013).

21. *Мезинов Д. А.* Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 178.
22. *Вышинский А. Я.* Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. – С. 13–38.
23. *Голунский С. А.* О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. – Кн. IV. – М., 1937. – С. 60–62.
24. *Розин Н. Н.* Указ. соч. – С. 303.
25. *Балакишин В.* Указ. соч. – С. 18–19.
26. *Вышинский А. Я.* Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. – С. 13–38.
27. *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 384 с.
28. *Бозров В. М.* Борьба с преступностью – не дело суда // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д-ра юрид. наук, проф. З. З. Зинатуллина. – Ижевск, 2013. – С. 53–55.